

ДЖЕЙМС ОЛИВЕР КЕРВУД

ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ РЕКА

ЧЬЮ ЖИЗНЬ ТЫ ВЫБЕРЕШЬ,
КОГДА ТВОЯ СОБСТВЕННАЯ
ЗАКОНЧЕНА?

18+

Джеймс Кервуд

Там, где начинается река

<https://litres.ru/74680992>

SelfPub; 2026

Аннотация

Канадский Север хранит немало тайн, но эта история начинается там, где сходятся закон, месть и человеческая совесть. Молодой беглец Джон Кит годами скрывался от правосудия по обвинению в убийстве. Спасаясь от преследования, он сталкивается лицом к лицу со своим главным врагом — инспектором Королевской конной полиции Коннистоном. Однако волею судьбы Коннистон умирает от тяжелой болезни, перед смертью взяв с Кита невероятное обещание.

Чтобы защитить сестру покойного полицейского, Мэри Джозефину, и оградить ее от смертельной опасности, Джон решает совершить дерзкий шаг: он принимает чужое имя и становится стражем порядка — тем самым человеком, за которым еще вчера охотился весь гарнизон. С этого момента его жизнь превращается в рискованную игру на грани разоблачения, где малейшая ошибка грозит виселицей. Но среди суровой красоты дикой тайги героям предстоит столкнуться не только с погоней, но и с неожиданно вспыхнувшим чувством, способным изменить всё.

Содержание

Главные и второстепенные герои романа	8
География романа	11
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джеймс Оливер Кервуд

Там, где начинается река

Предисловие переводчика

В самом начале романа двое мужчин находятся в затерянной среди арктических просторов хижине. Один представляет закон, другой объявлен преступником. За их плечами — долгая погоня, холод, голод и борьба за жизнь. Преследователь наконец добился своего, но теперь он тяжело болен, а человек, которого ему предстоит доставить на суд, ухаживает за ним.

С этого сближения недавних противников начинается «Там, где начинается река» Джеймса Оливера Кервуда. Уже первые страницы ставят читателя перед вопросом, который не отпустит его до конца: насколько полно можно судить о человеке по известным о нём фактам?

Для Коннистона ответ прежде казался ясным. Существовали приказ, служебный долг и беглец, которого следовало поймать. Но месяцы преследования и дни совместного существования заставляют его увидеть в Ките человека, не укладывающегося в содержание обвинения. За официальной версией проступает другая история — история любви к отцу, унижения, ярости и отчаянного стремления добиться справедливости.

Кервуд не предлагает читателю удобной возможности сра-

зу отделить правых от виноватых. Он показывает, как трудно бывает восстановить правду, когда человеческая судьба уже получила готовое объяснение. Ошибка, однажды признанная истиной, обретает силу: определяет поступки окружающих, закрывает пути к спасению, заставляет человека жить в постоянной опасности.

И всё же эта книга наполнена надеждой. Она возникает благодаря людям, способным выслушать, усомниться в привычном суждении, проявить великодушие там, где от них ожидают суровости. В мире романа такой поступок всегда имеет цену. Доверие делает человека уязвимым, а милосердие может вступить в противоречие с обязанностью. Тем значительнее становится выбор, сделанный по совести.

Важную роль в повествовании играет внешнее сходство Кита и Коннистона. Оно открывает перед героями возможность, которая одновременно обещает спасение и создаёт новые опасности. Вместе с чужим именем невозможно получить готовую чужую жизнь: за именем стоят отношения, воспоминания, обязательства, о которых посторонний ничего не знает. Каждая встреча может обернуться испытанием, каждое неосторожное слово — выдать тайну.

Постепенно приключенческая интрига приобретает глубоко личный смысл. Герою приходится задумываться о том, кем он был, кем кажется окружающим и каким человеком способен стать. Вопрос о праве на новую жизнь оказывается связан с другим: можно ли обрести счастье, пока между то-

бой и близкими остаётся невысказанная правда?

Любовная линия усиливает это напряжение. Чувство приносит надежду и одновременно делает сокрытие истины всё мучительнее. Любимому человеку хочется открыться полностью, но именно его доверие страшнее всего потерять. Благодаря этому даже тихие разговоры и короткие встречи получают остроту, сравнимую с опасностями погони.

Север у Кервуда — огромное, осязаемое пространство. Здесь есть своя мера расстояний, времени и человеческих сил. Ледяные поля Гудзонова залива, тёмные леса, реки, одинокие жилища и небольшие поселения образуют мир, в котором многое зависит от выдержки, опыта и помощи другого человека. Природа способна погубить и виновного, и невинного; пережить её испытания нередко удаётся лишь благодаря взаимной поддержке.

Описания этого мира требуют неторопливого внимания. В шуме льдов, завывании ветра, усталости после долгого пути чувствуется физическая достоверность переживаемого. Пространство входит во внутреннюю жизнь героев: одиночество обостряет память, опасность проясняет отношения, близость смерти придаёт особый вес словам.

Русский перевод призван сохранить эту связь действия и чувства. Для книги одинаково существенны напряжённый ритм событий, сдержанное мужество персонажей и эмоциональная открытость авторского голоса. Важно услышать за приключением человеческую историю, а за стремительным

поворотом сюжета — его нравственные последствия.

При этом роман сохраняет приметы своей эпохи. Современный читатель встретит в нём непривычные оценки, условности и представления о людях разных культур. Они принадлежат историческому миру произведения и требуют внимательного чтения. Литературная встреча с прошлым позволяет увидеть как близость человеческих переживаний, так и расстояние между нашими взглядами.

Название «Там, где начинается река» можно услышать как вопрос о пределе пути. Что ждёт человека, который слишком долго бежал? Где заканчивается власть прошлого? Возможно ли место, в котором страх наконец уступит доверию?

Кервуд ведёт читателя к ответу через опасности, тайны и встречи, значение которых раскрывается постепенно. Поэтому лучше войти в эту историю, ещё не зная её развязки: услышать бурю над маленькой хижинкой, увидеть двух мужчин по разные стороны стола и вместе с ними понять, почему граница между преследователем и преследуемым вдруг перестала казаться непреодолимой.

Владимир Давыдов

Главные и второстепенные герои романа

Джон Кит — главный герой, человек, объявленный вне закона и обвинённый в убийстве судьи Киркстона. Несколько лет скрывается на суровом канадском Севере. Лишения изменили его внешность, но не уничтожили способность к благодарности, состраданию и любви. Стремление вернуться к человеческой жизни ставит его перед трудным выбором между спасительным обманом и опасной правдой.

Дервент Коннистон — англичанин, служащий Королев-

ской Северо-Западной конной полиции. Упорный и мужественный преследователь Кита, сумевший увидеть в своём пленнике достойного человека. Обладает выдержкой, своеобразным юмором и великодушием. Поразительное внешнее сходство двух мужчин становится отправной точкой главной интриги романа.

Мэри Джозефина Коннистон — молодая девушка, приезжающая в Канаду в поисках брата, Дервента Коннистона. Искренняя, решительная и непосредственная, она способна на глубокую привязанность. Её появление придаёт новой жизни Кита смысл и одновременно делает его положение особенно мучительным.

Инспектор Макдауэлл — командир подразделения конной полиции в Принс-Альберте, начальник Коннистона. Строгий, опытный и проницательный служака. За внушительной внешностью и резкой манерой говорить скрывается отзывчивый человек. Встреча с ним становится для Кита одним из первых серьёзных испытаний.

Мириам Киркстон — дочь судьи, в убийстве которого обвинён Джон Кит. Её тревога и сдержанность дают почувствовать, что за известной всем семейной историей скрывается многое невысказанное. Она занимает важное место в событиях, связывающих прошлое героя с настоящим.

Шань Тун — образованный и наблюдательный владелец кафе в Принс-Альберте. Обладает исключительной памятью на лица, которой пользуется полиция. Внешняя невозмутим-

мость затрудняет понимание его намерений, а осведомлённость делает его особенно опасным для человека, скрывающего свою личность.

Энди Дагган — старый знакомый Кита, речник и золотоискатель, прозванный Речным Пиратом. Работает на золотодобывающей драге «Бетти М.». Колоритный, независимый человек, тесно связанный с рекой и северной жизнью. Его рассказы о далёких горных истоках Саскачевана питают мечту о свободе и новом начале.

Судья Киркстон — человек, с которым связана семейная трагедия Кита. По рассказу героя, воспользовался своим положением, чтобы погубить его отца. Обстоятельства гибели судьи лежат в основе обвинения, заставившего Кита бежать.

Сын судьи Киркстона — участник рокового столкновения в отцовском доме. Его поведение и роль в той ночной схватке важны для понимания прошлого главного героя.

География романа

Действие романа «Там, где начинается река» разворачивается на канадском Севере — от арктических пустошей и ледяных берегов Гудзонова залива до лесов и поселений на реке Саскачеван. География определяет здесь саму возможность человеческой жизни: расстояния затрудняют преследование, зима отрезает пути, а возвращение к лесу и обитаемым местам становится для героя возвращением к надежде.

В романе соединены реальные географические названия и художественные описания отдельных мест. Поэтому приведённый ниже путеводитель помогает ориентироваться в по-

вествовании, но не является точной картой маршрута.

Арктические пустоши

Северное безлесное пространство, где Джон Кит долго скрывается от преследования. Мороз, голод, одиночество и продолжительная зимняя темнота испытывают пределы его выносливости.

Здесь почти исчезают привычные ориентиры человеческого мира. Расстояния огромны, укрытия редки, а встреча с другим человеком может означать как угрозу, так и спасение.

Хижина у Гудзонова залива

Уединённое жилище, в котором начинается роман. За его стенами бушует арктическая буря, слышатся грохот льдов и крики песцов. Внутри находятся двое: полицейский Дервент Коннистон и его пленник Джон Кит.

Эта хижина становится местом разговора, меняющего дальнейшую судьбу героя. Её точное положение автор не устанавливает с картографической определённойностью.

Гудзонов залив

Один из главных географических ориентиров начальных глав. Движение и столкновение ледяных полей создают величественный, пугающий звуковой фон повествования.

В описании Кервуда залив ощущается как огромная действующая сила. Даже находясь под крышей, герои слышат и чувствуют происходящее за пределами своего крошечного убежища.

Пролив Рос-Уэлком

Северный ориентир, связанный с движением льдов и обстоятельствами погони. В повествовании через него в Гудзонов залив устремляются ледяные массы.

Его название входит в географию наиболее суровой части пути — пространства, где человек зависит от погоды, снаряжения и способности выдерживать лишения.

Мыс Фуллертон

Упоминается в истории последних этапов преследования Кита Коннистоном. Помогает представить размах погони, проходившей далеко от городов и привычных дорог.

Залив Корнейшен

Одно из возможных направлений нового бегства Кита. Возвращение туда означало бы для него продолжение жизни в изоляции, почти без надежды снова обрести дом. В разговоре героев залив становится обозначением той северной ловушки, из которой Кит стремится вырваться.

Река Маккензи

Ориентир в воспоминаниях Кита о скитаниях. С ней связано одно из последних воспоминаний о деревьях перед долгим пребыванием в беслесных пространствах.

Поэтому лес на обратном пути на юг приобретает особое значение. Возможность развести большой костёр, укрыться среди елей, почувствовать запах древесины возвращает герою ощущение живого мира.

Путь на юг

Между арктической хижинкой и городом на Саскачеване лежит около восьмисот миль дикой местности. Кит проходит этот путь, преодолевая последствия долгого истощения и одиночества.

Движение на юг меняет характер пространства: открытая пустошь уступает место лесу, затем появляются знакомые речные берега, дороги и человеческое жильё. Вместе с ними возвращаются воспоминания, привязанности и опасность быть узанным.

Принс-Альберт

Город на реке Саскачеван, где находится подразделение конной полиции под командованием инспектора Макдауэлла. Здесь сосредоточена значительная часть дальнейшего действия.

Для Кита это пространство узнавания и скрытности. Знакомые места напоминают о прежней жизни, однако вести себя в них ему приходится с осторожностью: прошлое может обнаружиться в любой встрече.

Река Саскачеван

Главная река обитаемого мира романа. С её берегами связаны дом, воспоминания Кита, работа речников и рассказы о далёких горных районах.

В отличие от арктического пространства, где герой почти лишён будущего, река предлагает направление движения. Она соединяет знакомый город с местами, куда ещё можно отправиться.

Излучина Маккоффина

Местный речной ориентир возле Принс-Альберта. Здесь работает золотодобывающая драга «Бетти М.», связанная с Энди Дагганом.

Пыхтение механизма, речной песок и сам облик старого речника возвращают Киту узнаваемые приметы дома. Это одно из мест, где особенно остро ощущается близость прежней жизни.

Дом Киркстонов

Дом на холме, связанный с семейной трагедией Кита и обстоятельствами предъявленного ему обвинения.

В географии романа он сохраняет значение опасного прошлого. Возвращение в знакомые края заставляет героя вновь приблизиться к событиям, от которых он много лет пытался уйти.

Кафе Шань Туна

Городское заведение, принадлежащее человеку с необыкновенной памятью на лица. Оно входит в пространство встреч, наблюдений и скрытого противоборства.

Здесь опасность определяется близостью людей и тем, что им известно. После северных пустошей герой оказывается в мире, где угрожать могут взгляд, вопрос или случайно произнесённое имя.

Западные горы и истоки Саскачевана

Далёкие места, о которых рассказывает Энди Дагган. В его воспоминаниях и мечтах они связаны с поисками золота,

свободой и возможностью уйти от прежних несчастий.

Именно сюда обращён образ «конца реки». В речном мире Даггана это далёкий верхний предел пути, горная область, где река рождается. Название романа поэтому несёт особый смысл: движение к концу знакомого пути может оказаться движением к новому началу.

Пространство книги постепенно раскрывается от тесной арктической хижины к огромному миру возможного будущего. Но свобода зависит не только от пройденного расстояния. Самое трудное путешествие героя связано с правдой о себе, доверием другого человека и надеждой наконец обрести место, которое можно назвать домом.

Глава

I

Между Коннистоном, служившим в Королевской Северо-Западной конной полиции Его Величества, и объявленным вне закона Китаом было поразительное сходство — и в лице, и в сложении. Разумеется, оба это замечали. Сходство рождало между ними какое-то особое доверие. Оно незримо присутствовало рядом, неуловимое и неосмысленное, и всё время подсказывало Коннистону поступок, который сделал бы его изменником служебной присяге. Почти месяц он подавлял эти настойчивые нащёптывания. Он представлял закон. Он сам был законом. Двадцать семь месяцев он шёл по следу Кита, и всё это время помнил напутствие той славной службы, которой принадлежал: «Не возвращайся, пока

не добудешь своего человека — живым или мёртвым». Иначе...

Мучительный кашель оборвал его мысли. Он приподнялся и сел на край койки. Когда на его губах выступила кровь и вместе с ней вырвался сдавленный стон боли, Кит подошёл и крепкой рукой поддержал его за плечи. Он ничего не сказал. Немного погодя Коннистон стёр кровь и тихо засмеялся, хотя в глазах ещё лежала тень страдания. Одна его рука покоилась на запястье Кита, где до сих пор виднелся кольцевой след наручника. При виде этого следа к нему вернулась суровая действительность. Да, судьба играла ими не только трагически, но и причудливо.

— Спасибо, старина, — сказал он. — Спасибо.

Его пальцы сжались на запястье со следом железного кольца.

Над их головами в неистовой ярости грохотала арктическая буря, словно стараясь сокрушить маленькую хижину, посмевающую подняться среди серо-бурой пустоты на вершине мира, за восемьсот миль от цивилизации. В её голосе слышались странные завывания, пронзительные визги и душераздирающие стоны. А когда порывы наконец затихали и наступало необычное безмолвие, оба чувствовали, как под ногами вздрагивает мёрзлая земля: это по ней прокатывалось гулкое эхо трескавшихся и сталкивавшихся ледяных полей Гудзонова залива. Оттуда доносился глухой непрерывный рёв, похожий на отдалённый грохот нескончаемой битвы; време-

нами, когда раскалывалась ледяная гора, его разрывал удар, словно выстрел шестнадцатидюймового орудия. Через пролив Рос-Уэлком в Гудзонов залив прорывались несчётные миллиарды тонн льда, и во время ледохода их наступление напоминало нашествие гуннских полчищ.

— Лучше бы тебе прилечь, — предложил Кит.

Но Коннистон медленно поднялся и подошёл к столу, где горела лампа на тюленьем жиру. На ходу он слегка пошатывался. Он сел; Кит устроился напротив. Между ними лежала потрёпанная колода. Перебирая карты, Коннистон посмотрел прямо на Кита и усмехнулся.

— Странно всё это. Чертовски странно, — сказал он.

— Ты не находишь, Кит? — Он был англичанином, и в его голубых глазах светился мрачноватый, холодный юмор. — И смешно, — прибавил он.

— Странно — да, но не смешно, — согласился Кит лишь наполовину.

— Нет, именно смешно, — настаивал Коннистон. — Без трёх дней двадцать семь месяцев назад меня отправили за тобой, Кит. Приказали доставить тебя живым или мёртвым. И в конце двадцать шестого месяца я взял тебя — живым. Если судить по правилам честной игры, ты заслуживаешь не петли, а ещё ста лет жизни: прежде чем я тебя настиг, ты провёл меня через семь кругов ада. Я мёрз, голодал, тонул. Восемнадцать месяцев не видел лица белой женщины. Ужасное было время. Но всё-таки я тебя одолел. Вот что в этом

замечательного, Кит: я победил и взял тебя, и доказательство до сих пор у тебя на запястьях. Я выиграл. Ты это признаёшь? Будь справедлив, старина, — ведь это последняя большая игра в моей жизни. — Голос его дрогнул; в нём прозвучала почти жалобная тоска.

Кит кивнул.

— Ты выиграл, — сказал он.

— Выиграл так честно, что, когда мороз добрался до твоего лёгкого...

— Ты не воспользовался моим положением, — перебил Коннистон. — Вот это и смешно, Кит. В этом-то весь юмор. Я скрутил тебя, назначил тебе встречу с палачом, и вдруг — хлоп! — ударил мороз, прихватил кусочек лёгкого, и мы поменялись местами. А ты, вместо того чтобы поступить со мной так, как я собирался поступить с тобой, вместо того чтобы убить меня или улизнуть, пока я беспомощен... Кит... старый друг... ты стал выхаживать меня, стараться вернуть мне жизнь! Разве не смешно? Что может быть смешнее?

Он протянул руку через стол и стиснул руку Кита. Потом на несколько мгновений склонил голову: тело его опять затряслось от мучительного кашля. Кит чувствовал его боль по тому, как судорожно сжимались на его пальцах пальцы Коннистона. Когда тот поднял лицо, на губах снова алела кровь.

— Видишь ли, я всё рассчитал, день в день, — продолжал он, стирая кровь уже пропитавшейся ею тряпкой. — Сегодня четверг. Следующего воскресенья я не увижу. Конец придёт

в пятницу ночью или когда-нибудь в субботу. Я раз двенадцать видел, чем кончается такое обморожение лёгких. Понимаешь? Два дня у меня есть наверняка, может быть, три. А потом тебе придётся выкопать яму и похоронить меня. После этого ты будешь свободен от честного слова, которое дал мне, когда я снял с тебя наручники. И вот я спрашиваю: что ты станешь делать?

Страдание и трагедия глубоко избороздили лицо Кита. Вчера они сравнивали свой возраст.

Киту было тридцать восемь — лишь немногим меньше, чем человеку, который выследил его и теперь умирал в самый час своей победы. До сих пор они не говорили об этом прямо. Кит испытывал неловкость: когда-то ему легче оказалось убить человека, чем теперь сказать этому человеку, что он умирает. Но сейчас Коннистон с удивительным хладнокровием сам точно отмерил оставшийся срок, и с плеч Кита словно свалился груз. Они смотрели друг другу в глаза через стол, и на этот раз уже Кит крепче сжал пальцы Коннистона. В тусклом свете лампы на тюленьем жиру они были похожи на братьев.

— Что ты станешь делать? — повторил Коннистон.

Пока умирающий англичанин смотрел на него, лицо Кита словно ещё постарело.

— Наверное... вернусь, — тяжело ответил он.

— Ты хочешь сказать — к заливу Коронейшен? Опять в эту вонючую кучу эскимосских иглу? Да ты там сойдёшь с

ума!

— Вероятно, — сказал Кит. — Но другого выхода нет. Ты ведь знаешь. Кому, как не тебе, знать, как меня травили. Если я пойду на юг...

Теперь Коннистон медленно, задумчиво кивнул.

— Да, конечно, — согласился он. — Они крепко за тебя взялись, и побегать ты их заставляешь изрядно. Но и там до тебя доберутся. И мне... жаль.

Их руки разжались. Коннистон набил трубку и закурил. Кит заметил, что горящую лучину тот держал совершенно твёрдо. Какая поразительная выдержка!

— Мне жаль, — повторил он. — Ты мне... по душе. Знаешь, Кит, я хотел бы, чтобы мы родились братьями и чтобы ты не убивал человека. В ту ночь, когда я защёлкнул на тебе эти железные кольца, я чувствовал себя чуть ли не дьяволом. Не сказал бы тебе этого, если бы не проклятое лёгкое. Но какой теперь смысл скрывать? Несправедливо три года держать человека в таком месте, гонять его, как крысу, из норы в нору, а потом свести на юг и повесить. Я знаю: в твоём случае это несправедливо. Чувствую. Не хочу лезть в душу, дружище, но казённым «фактам» я больше не верю. Поставил бы хорошую сумму на то, что ты совсем не такой, каким тебя изображают. И потому мне хотелось бы знать... за что именно... ты убил судью Киркстона?

Оба кулака Кита сжались посреди стола. Коннистон увидел, как на мгновение его голубые глаза потемнели от сви-

репого огня. В ту же минуту над хижиной вдруг установилась странная тишина, и в ней над далёким гулом и грохотом льдов резко зазвучало непрерывное, сводящее с ума тьяканье маленьких белых песцов.

Глава

II

— За что я убил судью Киркстона? — медленно повторил Кит.

Сжатые руки разжались, но в глазах всё так же ровно горел огонь.

— Что говорят об этом ваши казённые «факты», Коннистон?

— Что ты хладнокровно его убил и что честь службы не будет восстановлена, пока тебя не повесят.

— От точки зрения ведь многое зависит, правда? А если я скажу, что не убивал судью Киркстона?

Коннистон слишком порывисто подался вперёд. Его снова сотряс смертельный приступ, а когда он прошёл, дыхание вырывалось со свистом, словно сквозь решето.

— Боже мой, не в воскресенье... и не в субботу, — выдохнул он. — Кит, это случится завтра!

— Нет, нет, не завтра, — сказал Кит, подавляя комок в горле. — Лучше опять приляг.

Коннистон собрался с силами.

— И сдохнуть, как кролик? Нет уж, благодарю, дружище! Мне нужны факты, а умирающему лгать нельзя. Ты убил су-

дью Киркстона?

— Я... не... знаю, — медленно ответил Кит, не отводя взгляда от его глаз. — Думаю, что да, но полной уверенности нет. В ту ночь я пришёл к нему домой, решив добиться от него справедливости или убить его. Хотел бы я, чтобы ты мог увидеть всё моими глазами, Коннистон. Ты сумел бы, если бы знал моего отца. Понимаешь, мать умерла, когда я был совсем маленьким, и мы с отцом росли вместе, как друзья. Не думаю, чтобы я когда-нибудь видел в нём просто отца. Отцов много. Он был для меня чем-то большим. С десяти лет мы стали неразлучны. Мне, наверное, было уже двадцать, когда он рассказал о смертельной вражде между ним и Киркстоном. Я не особенно об этом тревожился — не верил, что из этого что-нибудь выйдет, — пока Киркстон его не погубил. Тогда я понял: все эти годы старая гремучая змея выжидала удобного случая. Всё было подстроено от начала до конца, и отец угодил в ловушку. Даже тогда он думал, что за этим стоят его политические враги, а не Киркстон. Правду мы вскоре узнали. Отцу дали десять лет. Он был невиновен. И единственным на земле человеком, способным доказать его невиновность, был Киркстон — тот самый, который, как Шейлок, злорадно наслаждался своим фунтом мяса. Коннистон, если бы ты всё это знал и оказался на моём месте, что бы ты сделал?

Коннистон поднёс новую лучину к огоньку лампы, помедлил и ответил:

— Пока не знаю, дружище. А ты что сделал?

— Я чуть ли не на коленях ползал перед этим негодяем, — продолжал Кит. — Если кто-нибудь когда-нибудь вымаливал жизнь другого человека, то я вымаливал жизнь отца — несколько слов Киркстона, которые вернули бы ему свободу. Я предлагал всё, что у меня было, даже тело и душу. Боже, никогда не забуду той ночи! Он сидел передо мной, жирный, лоснящийся, с двумя громадными перстнями на коротких пальцах, — чудовищная жаба в человеческом обличье, — и радостно посмеивался, хохотал надо мной, будто я был бродячим фокусником и показывал ему забавные штуки. А у него на глазах моя душа истекала кровью! Потом вошёл его сын, такой же жирный, лоснящийся и проклятый, как отец, и тоже стал надо мной смеяться. Я не знал, что на свете бывает такая ненависть, что месть может доставлять такую дьявольскую радость. Их злорадный хохот ещё звучал у меня в ушах, когда я, спотыкаясь, вышел в ночь. Он преследовал меня. Я слышал его в деревьях, его приносил ветер. Он заполнил мне весь мозг... И вдруг я повернул обратно, снова вошёл в дом без стука и снова оказался один против них двоих в той комнате. Только теперь, Коннистон, я вернулся, чтобы добиться справедливости — или убить. В этом смысле намерение было обдуманное, но я пришёл с голыми руками. В двери торчал ключ, и я запер её. Потом высказал своё требование. На лишние слова я не тратился...

Кит встал из-за стола и зашагал по хижине. Ветер опять

стих. Слышно было тявканье песцов и низкий рокот льдов.

— Начал сын, — сказал Кит. — Он бросился на меня. Я его ударил. Мы сцепились, и тут на меня кинулся сам этот зверь, с каким-то оружием в руке. Я не разглядел, что это, но вещь была тяжёлая. Первый удар едва не раздробил мне плечо. В схватке я вырвал её у него — оказалось, длинный прямоугольный медный брусок, пресс-папье. В ту же секунду я увидел, как сын хватает со стола такой же предмет, и при этом он разбил лампу. Мы дрались в темноте. У меня не было ощущения, что я борюсь с людьми. Это были чудовища; я испытывал такой ужас, словно оказался во мраке среди ползущих змей. Да, я бил изо всех сил. И сын бил тоже, а видеть мы ничего не могли. Я почувствовал, что моё оружие во что-то угодило, и тут Киркстон рухнул с хриплым бульканьем. Дальше ты знаешь. Наутро в комнате нашли только одно медное пресс-папье. От другого сын избавился. А оставшееся было в крови и волосах Киркстона. Надежды у меня не было. Поэтому я бежал. Через полгода отец умер в тюрьме, и вот уже три года меня гонят, как гончие лисицу. Вот и всё, Коннистон. Убил ли я судью Киркстона? И если убил — думаешь, я об этом жалею, даже если меня повесят?

— Сядь!

Голос англичанина звучал властно. Кит тяжело дыша опустился на своё место. В стально-голубых глазах Коннистона он увидел странный свет.

— Кит, когда человек знает, что будет жить, он на многое

слеп. Но когда знает, что умрёт, всё иначе. Расскажи ты мне это месяц назад, я всё равно отвёл бы тебя к палачу. Такой уж у меня долг, понимаешь, и я мог бы решить, что ты лжёшь. Но сейчас ты солгать мне не можешь. Киркстон заслужил смерть. И потому я решил, что тебе делать. Ты не вернёшься к заливу Коронейшен. Ты пойдёшь на юг. Вернёшься в благословенные края. И не как Джон Кит, убийца, а как Дервент Коннистон из Королевской Северо-Западной конной полиции Его Величества! Понимаешь меня, Кит? Понимаешь?

Кит лишь смотрел на него. Англичанин подкрутил ус; в глазах мелькнул насмешливый огонёк. Он уже давно обдумывал этот замысел и заранее знал, как он ошеломит Кита.

— Недурной план, правда, дружище? Ты мне нравишься. Не стесняюсь признаться: я к тебе очень привязался. И нет на свете причины, почему бы тебе не прожить остаток жизни на моём месте. С нравственной стороны возразить нечего. По мне никто скучать не станет. В Англии я был паршивой овцой — младший брат и всё такое, — а когда пришлось выбирать между Африкой и Канадой, выбрал Канаду. Гордость англичанина — самая глупая вещь на свете, Кит. Наверное, там все считают меня мёртвым. Шесть или семь лет обо мне ничего не слышно. Меня забыли. И самое прекрасное в этом плане — мы с тобой дьявольски похожи. Подровняй немного усы и бороду, добавь шрам над правым глазом — и можешь явиться к самому старине Макдауэллу. Ручаюсь, он вскочит и скажет: «Вот так штука, да это же Коннистон!» Только и

есть у меня наследства для тебя, Кит: одежда и имя мертвеца. Но бери их, от души отдаю. После завтрашнего дня мне от них всё равно никакого проку.

— Невозможно! — выдохнул Кит. — Коннистон, ты понимаешь, что говоришь?

— Совершенно ясно, дружище. Я считаю каждое слово — говорить больно. Поэтому, пожалуйста, не спорь. Такой великолепной игры мне ещё не выпадало. Я умру. Похоронишь меня под этим полом: там песцы не достанут. А моё имя останется жить. Ты вернёшься в моей одежде к цивилизации и расскажешь Макдауэллу, как взял своего человека и как тот умер здесь от обморожения лёгкого. В доказательство потащишь на юг узел со своей одеждой и прочие мелочи, по которым можно установить личность. И сержантские нашивки тебя ждут. Макдауэлл обещал их тебе — если добудешь своего человека. Понимаешь? Он не видел меня два года и три месяца, так что, если я покажусь ему чуточку другим, в этом не будет ничего странного: ведь всё это время мы с тобой провели на самом суровом краю света. Главное — мы так похожи. Говорю тебе, великолепная мысль!

Увлечение задуманной великой игрой подняло Коннистона над самой смертью. А Кит, у которого сердце колотилось, словно возбуждённый кулак, вдруг увидел всю ошеломляющую дерзость этого плана, и его самого захватило волнение открывшихся возможностей. Там, на юге, никто не узнает в нём прежнего Джона Кита, каким он был четыре года на-

зад. Тогда он гладко брился, слегка сутулился и не отличался крепким здоровьем. Теперь стал настоящим зверем! Четыре года борьбы с перевозданными силами жизни сделали его таким, и теперь сложением он ни в чём не уступал Коннистону. А сидевший напротив Коннистон был так на него похож, что мог бы сойти за близнеца. Он словно прочитал мысли Кита. В глазах его сверкнула весёлая искра.

— Полагаю, дело главным образом в растительности на наших лицах, — сказал он. — Борода скрывает множество телесных несовершенств — и различий, дружище. Я носил её уже два года до того, как отправился за тобой; тщательно подстригал клинышком, понимаешь? Так что за бритву тебе лучше не браться. Внешность тебя ни за что не выдаст. Выглядеть ты будешь как надо. Настоящее веселье начнётся в другом. За ближайшие двадцать четыре часа ты должен наизусть выучить историю Дервента Коннистона со дня его поступления в конную полицию. Раньше заглядывать не станем: тебе это неинтересно, да и древняя история не всплывёт, чтобы тебя потревожить. Самая большая опасность — Макдауэлл, командир дивизиона «Эф» в Принс-Альберте. Он сущая лиса, старая военная школа, усы и всё прочее, а видит насквозь даже котельное железо. Но сердце у него большое. Он был мне хорошим другом, поэтому вместе с историей Дервента Коннистона тебе придётся усвоить немало и о Макдауэлле. Много всякого... О боже!..

Он прижал руку к груди. Мрачный ужас воцарился в хи-

жине, пока кашель сотрясал его тело. И снова над крышей взвизгнул ветер, заглушая твяканье песцов и грохот льдов.

В ту ночь, в жёлтом, потрескивающем свете лампы, началась борьба. Два человека с суровыми лицами — один сознавал близость смерти и пытался её задержать, другой молился, чтобы хватило времени, — совершали удивительное дело: менялись личностями. С самого начала борьбу вёл Коннистон. Глядя на него, Кит понимал: этим последним отчаянным усилием умереть несломленным англичанин сокращает и без того скудный запас оставшихся ему часов. Прежде Кит любил лишь одного мужчину — своего отца. В этой борьбе он научился любить другого — Коннистона. Однажды он с горечью вскричал, что всё несправедливо: жить должен Коннистон, а умереть — он сам. Умиравший англичанин улыбнулся и положил ладонь на его руку; Кит почувствовал, что она влажная от холодного пота.

В последующие страшные часы Кит ощущал, как сила и мужество умирающего понемногу переходят к нему самому. В этом было эпическое величие. Коннистон, укрощавший собственную агонию, был великолепен. А измученная, отчаявшаяся душа Кита наполнялась новой жизнью и новой надеждой, и его волновала мысль о том, что придётся сделать, чтобы оказаться достойным англичанина. Коннистон начал с самого важного — со знакомства с Макдауэллом. Потом, между приступами, окрашивавшими губы кровью, добавлял подробности. Слабая улыбка тронула его лицо, когда он рас-

сказал, как однажды Макдауэлл взял с него слово хранить в тайне случай, о котором начальнику вовсе не хотелось распространяться в казарме — чтобы над ним смеялись. В некоторых отношениях Макдауэлл был очень щепетилен! По истечении первого часа Кит встал посреди хижины, и Коннистон, опираясь руками на стол, с поникшими плечами, принялся учить его строевым приёмам. Потом передал ему свой потрёпанный служебный устав и велел заниматься, пока сам он отдохнёт. Кит помог ему добраться до койки и ещё некоторое время пытался читать устав. Но буквы расплывались, мозг отказывался повиноваться. Страдание в тихом дыхании англичанина давило на Кита, причиняя почти физическую боль. Он почувствовал, что задыхается, наконец встал из-за стола и вышел в серые, призрачные сумерки ночи.

Лёгкие жадно втянули воздух с привкусом льда. Но холода не было. Наступил кваске-ху — перелом. Воздух был полон грохота последней схватки зимы с наступавшей весной, и силы зимы рушились. Земля под ногами Кита дрожала от могучих судорог их распада. Отчётливее слышались рёв, рычание и раздирающий грохот огромных ледяных полей, которые арктическое течение несло в Гудзонов залив. Над ним висела странная ночь. Не чёрная, а потусторонняя, призрачно-серая; из этого могильного хаоса доносились непонятные звуки и стоны гулявшего высоко наверху ветра. Ещё немного, подумал Кит, — и всё это свело бы его с ума. Уже сейчас ему мерещились вопли и причитания где-то там, под скры-

тыми звёздами. Не раз за последние месяцы он слышал детские рыдания, мучительный плач женщин и глумливые голоса ветра, которые то истязали его, то торжествовали с отвратительной нечеловеческой радостью. И не раз за эти месяцы он видел эскимосов, рождённых в этом аду, но обезумевших от пытки его долгой ночи: они срывали с себя одежду и нагими бросались в беспощадный мрак и стужу — умирать. Коннистон никогда не узнает, до какой грани безумия дошёл Кит в тот час, когда стал его пленником. Кит ему не рассказал. Охотник за людьми спас его от помешательства. Но эту тайну Кит сохранил при себе.

Даже теперь он невольно пригнулся, когда из верхнего хаоса вырвался порыв ветра и ударил в хижину с криком, в котором прозвучала особенно пронзительная нота. А потом расправил плечи и рассмеялся: тьякканье песцов больше не заставляло его содрогаться. За ними он видел дом. Благословенные края! Зелёные леса, воды в золотых брызгах солнца — всё, что он почти забыл; снова лица белых женщин. Вместе с этими лицами он слышал голоса своего народа и пение птиц, чувствовал под ногами бархатистую землю, пропитанную ароматом цветов. Да, он почти забыл всё это. Ещё вчера перед ним были лишь истлевшие остовы воспоминаний, призрачные сновидения, — потому что он сходил с ума. А теперь всё это стало настоящим, находилось совсем рядом, к югу, и он шёл туда. Он поднял руки, и из горла вырвался крик. Крик торжества, последнего, высшего восторга. Три

года такого существования — и он выдержал! Три года метался из норы в нору, как и сказал Коннистон, точно загнанная лисица; три года голодал, замерзал, терпел одиночество, от которого надломилась душа, — и вот теперь возвращается домой!

Он повернул к хижине. Когда он вошёл, бледное лицо умирающего англичанина встретило его из тусклого жёлтого света у стола. Прижав руку к груди, Коннистон улыбался странной улыбкой — и насмешливой, и мучительной. Его открытые часы на столе показывали полночь, когда урок возобновился.

Ещё позднее он нагрел дуло своего револьвера над огнём лампы.

— Будет больно, дружище, — оставлять тебе шрам над глазом. Но это необходимо. Послушай, вот уж будет великолепная шутка над Макдауэллом! — Он тихо повторил, улыбаясь и глядя Киту в глаза: — Великолепная шутка... над Макдауэллом!

Глава

III

Рассвет... сумерки следующей ночи... Кит поднял измождённое лицо от постели Коннистона, и с губ его сорвалось почти женское рыдание. Англичанин умер так, как и предвидел: не сдался до последнего, едва слышного вздоха. С этим вздохом он прошептал слова, которые до того повторил уже раз десять: «Помни, дружище: ты выиграешь или проигра-

ешь в тот миг, когда Макдауэлл впервые на тебя взглянет!» Потом в груди у него что-то странно всхлипнуло — и его не стало. Глаза Кита ослепил чудесный горячий поток слёз, а в душе поднялась великая гордость за имя Дервента Коннистона.

Теперь это было его имя. Джон Кит умер. Жил Дервент Коннистон. И когда он смотрел на холодное, неподвижное лицо мужественного англичанина, всё происшедшее уже не казалось таким странным. Носить имя Коннистона будет нетрудно; трудно будет жить по его правилам.

В ту ночь грохот ледяных полей слышался отчётливее: ветра, который заглушал бы его, не было. На небе ни облачка, и звёзды, похожие на жёлтые горящие глаза, глядели сквозь отверстия в нависшем бескрайнем иссиня-чёрном занавесе. Выйдя глотнуть воздуха, Кит поднял взгляд на диво полярной ночи и содрогнулся. Звёзды казались живыми существами, и смотрели они на него. Под их зловещим сиянием песцы справляли буйный праздник. Киту почудилось, что их кольцо вокруг хижины стало теснее, а в таянканье появилась новая нота — ещё более назойливая, ещё более жуткая. Коннистон предвидел это приближение маленьких белых зверей ночи. Вернувшись в хижину, Кит принялся выполнять обещание. Призрачный рассвет застал работу оконченной.

Через полчаса он стоял на опушке низкорослого леса, окаймлявшего арктическую равнину, и в последний раз

смотрел на маленькую хижину, под полом которой был похоронен англичанин. В страшном одиночестве она держалась с великолепным бесстрашием — гордый памятник мужеству и душе умершего человека. В четырёх её стенах теперь хранилось то, что наконец дало ей смысл существования, причину сопротивляться разрушению, пока хоть одно бревно держится на другом. Дух Коннистона стал её живой частью; пусть вечно тьявкают песцы, воют ветры, за зимой приходит зима, за долгой ночью — долгая ночь, она будет стоять здесь гордо, сражаясь до конца, памятником англичанину Дервенту Коннистону.

Оглянувшись, Кит обнажил голову под сырым рассветом. — Да благословит тебя Бог, Коннистон, — прошептал он, медленно отвернувшись и пошёл на юг.

Впереди лежали восемьсот миль дикой земли — восемьсот миль до городка на Саскачеване, где Макдауэлл командовал дивизионом конной полиции. Расстояние его не пугало. Четыре года на вершине мира приучили его к необъятным просторам и лишениям. Этой зимой Коннистон с упорством хорька преследовал его тысячу миль вдоль окраины Арктики, и то, что Кит не убил англичанина, было чудом. Раз двадцать он мог положить конец увлекательной погоне, даже не запятнав собственных рук. Стоило сказать слово — друзья-эскимосы сделали бы всё за него. Но он сохранил англичанину жизнь, а умерший Коннистон теперь отправлял его домой. Восемьсот миль были всего лишь шагом между

прошлым и будущим.

Ни собак, ни нарт у него не было. Собственная упряжка давно погибла, а у англичанина на последнем отрезке их гонки от мыса Фуллертон всё снаряжение украл вероломный когмоллок из пролива Рос-Уэлком. Всё, что Кит нёс, принадлежало Коннистону, кроме винтовки, собственной парки и капюшона. Даже часы на нём были коннистоновские. Ноша была лёгкой. Главными вещами в ней оказались немного муки, палатка весом в три фунта, спальный мешок и несколько предметов, которые должны были удостоверить смерть Джона Кита, объявленного вне закона. Час за часом в тот первый день снегоступы шуршали с убийственным однообразием, и этот звук бил ему в мозг. Думать он не мог. Ему то и дело казалось, что какая-то сила тянет назад, и всё время он слышал голос Коннистона, видел его лицо в сером дневном сумраке. Он миновал узкую полосу чахлого леса, которую странная прихоть природы протянула поперёк равнины, и снова стал движущейся точкой в бескрайней, продуваемой ветром пустоши. После полудня на южном горизонте обозначилась тёмная кайма. Он понял: это лес, настоящий лес, первый с того дня полтора года назад, когда последние деревья на Маккензи исчезли у него за спиной! Наконец появилось нечто осязаемое, за что можно ухватиться. Лес манил его — живая, чувствующая стена, за которой находился его другой мир. Восемьсот миль значили для него меньше, чем расстояние до этой разраставшейся чёрной каймы на гори-

зонте.

Он дошёл до неё, когда вечерний сумрак переходил в более густую ночную тьму, и поставил палатку под защитой кучки искривлённых, истерзанных бурями елей. Потом собрал дров и разжёг костёр. Теперь он не пересчитывал поленья, как делал восемнадцать месяцев. Он расточительствовал, швырял богатство пригоршнями. С утра он прошёл сорок миль, но усталости не чувствовал. Он таскал дрова, пока рядом не выросла большая куча, а пламя поднималось всё выше и выше, так что еловые иглы над головой зашипели и затрещали. Он вскипятил котелок некрепкого чая и поужинал мясом карibu с куском баннока. Потом сел, прислонившись спиной к дереву, и стал смотреть в огонь.

Пляшущий и потрескивающий перед глазами костёр действовал, как могучее лекарство. Он пробуждал то, что дремало в глубине души. Сжигал тяжёлый шлак четырёх лет отупляющих мучений и ярко возвращал события вчерашнего дня, растянувшегося на целое столетие. Разом словно спали оковы, тяжесть которых едва не довела Кита до безумия. Каждая жилка в его теле отзывалась на прекрасный рёв огня. В голове будто что-то разорвалось, освобождая её от гнетущего плена, и в сердце пламени он увидел дом, надежду, жизнь — всё знакомое и драгоценное, что бич Севера почти насмерть выбил из его памяти. Он увидел широкий Саскачеван, мерцающий среди жёлтых равнин, окаймлённых предгорьями и золотым утренним туманом; увидел родной горо-

док, с одной стороны прилепившийся к берегу, а с другой прижавшийся спиной к пурпурной лесной глуши; услышал размеренное пыхтение старой золотой драги и лязг её цепей, пока она пожирала тонны песка ради нескольких драгоценных крупинок. Над ним снова плыли кружевные облака в голубом небе; слышались голоса, шаги, смех — жизнь. С возрождённой душой он встал и потянулся так, что затрещали мышцы. Нет, теперь там его не узнают! Он тихо засмеялся, вспомнив прежнего Джона Кита — Джонни, как его звали на немногих улочках, пахнувших бальзамическими деревьями. Для отца он был правой рукой во всём, что требовало ума, но, по выражению приятеля Рыжего Мактабба, несколько недокормленным там, где нужны были мускулы и сила. Теперь он мог оглядываться на прошлое без волнения. Даже ненависть выгорела, и Кит поймал себя на вопросе: так ли всё ещё выглядит на холме дом старого судьи Киркстона и вернулась ли жить туда Мириам Киркстон после той ужасной ночи, когда он пришёл мстить за отца?

Четыре года! Не так уж много, хотя ему они показались целой жизнью. Перемен будет немного. Всё останется прежним — всё, кроме... старого дома. Они с отцом сами задумали его и следили за постройкой: бревенчатый замок неподалёку от города, с Саскачеваном внизу и лесом у самого порога. Оставшись без хозяев, за эти четыре года он наверняка изменился. Шаря в кармане, Кит коснулся часов Коннистона. Он вынул их и подставил открытый циферблат свету ко-

стра. Десять часов. Когда-то Коннистон вклеил во внутреннюю сторону передней крышки фотографию. Видимо, давно: лицо выцвело, черты стёрлись. Только глаза оставались ясными, и в отсветах пламени они словно ожили, глядя на Кита. Это было лицо девочки — школьницы лет десяти-двенадцати, подумал он. Но глаза казались старше; они словно кого-то молили, передавали послание, само собой вырвавшееся из детской души. Кит закрыл часы. Их тиканье зазвучало громче. Он сунул их в карман. Тиканье всё равно было слышно.

Смолистый еловый сучок лопнул с ослепительной вспышкой, словно осветительная ракета, и одновременно Кит испытал какой-то тупой внутренний толчок. Он был уверен: на мгновение увидел лицо Коннистона, и глаза англичанина смотрели на него так же, как глаза с фотографии в часах. Обман был так убедителен, что Кит отступил, уставившись перед собой. Потом, ещё пытаясь взглядом поймать исчезнувшее видение, осознал, какое чудовищное напряжение переживал все эти часы. Он уже много дней как следует не спал. И всё же спать ему не хотелось; усталости почти не чувствовалось. Инстинкт самосохранения заставил его разложить в палатке спальный мешок на подстилке из еловых ветвей и лечь.

Но и тогда долго ещё он лежал во власти мучительной бессонницы. Закрывал глаза — и не мог удержать их закрытыми. Звуки ночи доходили с болезненной отчётливостью:

треск костра, змеиное шипение горячей смолы, шёпот древесных вершин и ровное тиканье часов Коннистона. А там, на пустоши, за спасительной полосой деревьев, ветер снова заводил вечную жалобу одиночества — стон и всхлипывание. Кит стискивал кулаки и изо всех сил гнал наваждение, но ему всё равно чудилось, что в ветре странным образом плывёт голос Коннистона. И вдруг он спросил себя: что это значит? О чём забыл Коннистон? Что он пытался сказать ему весь этот день, когда Кит ощущал его присутствие в сумраке пустошей? Неужели Коннистон хочет, чтобы он вернулся?

Он пытался отделаться от гнетущей, назойливой мысли. И всё-таки был уверен: в последние полчаса, прежде чем смерть вошла в хижину, англичанин хотел что-то сказать — и распял в себе это желание. В последних словах — «Помни, дружище: ты выиграешь или проиграешь в тот миг, когда Макдауэлл впервые на тебя взглянет!» — торжествовало железное мужество. Но в следующее мгновение, когда смерть нанесла решающий удар, Кит мельком увидел обнажённую душу Коннистона. И в тот последний миг, когда речь была уже навсегда потеряна, он понял: Коннистон борется, стараясь заставить губы произнести то, что осталось невысказанным, пока не стало слишком поздно. Слушая стоны ветра и треск огня, Кит повторял снова и снова: «Что он хотел сказать?»

В затишье часы Коннистона забились под крышкой, словно сердце, и быстрый мерный ход выстукивал Киту ответ:

«Вернись, вернись, вернись!»

Вскрикнув от собственной жалкой слабости, Кит засунул часы глубоко под спальный мешок и заглушил их звук. Наконец сон одолел его, словно беспокойное забытье под наркозом.

С наступлением нового дня он выбрался из палатки и разворошил костёр. Там ещё тлели угольки; он раздул их и подбросил свежих дров. Забыть ночную пытку было нелегко, но всякое особое значение она утратила. Теперь он смеялся над собственной глупостью и думал: что сказал бы сам Коннистон об этой нервности? Впервые за много лет ему вспомнились студенческие времена: среди прочего, в колледже он отличился в психологии. Считал себя знатоком душевных явлений, умевшим и понимать их, и рассуждать о них. В дальнейшем он держался своих убеждений и извлекал из них пользу. Теперь его забавляло, что простое ослабление умственного напряжения могло так встревожить его минувшей ночью. Объяснение было несложным: разум пытался обрести равновесие после четырёх лет изнурения. Киту стало лучше. Голова прояснилась. Он прислушался к часам: тиканье звучало совершенно обыкновенно. Он собрался с силами для нового усилия и, готовя завтрак, насвистывал.

Потом уложил пожитки и пошёл дальше на юг. Он сомневался, знал ли сам Коннистон устав так хорошо, как теперь учил его он. К концу шестого дня Кит мог повторить его от корки до корки. Каждый час он приучил себя внезапно

останавливаться и отдавать честь окружавшим деревьям. На этом Макдауэлл его не поймает.

«Я — Дервент Коннистон, — твердил он себе. — Джон Кит умер. Умер. Я похоронил его там, под хижинкой, которую в тысяча девятьсот восьмом году построили сержант Тросси и его патруль. Меня зовут Коннистон. Дервент Коннистон».

За годы одиночества он привык разговаривать сам с собой — или, вернее, беседовать с собой, — чтобы не утратить мужества и рассудка. «Кит, старина, мы должны выстоять», — говорил он прежде. Теперь это звучало так: «Коннистон, дружище, мы победим или умрём». После третьего дня он упоминал Джона Кита только как умершего. И над мёртвым Джоном Китом он простирал мантию Коннистона. «Джон Кит умер мужественно, сэр, — говорил он Макдауэллу, которого изображало дерево. — Это был самый достойный человек, какого я когда-либо знал».

На шестой день случилось чудо. Впервые за много месяцев Джон Кит увидел солнце. Прежде он замечал лишь его мутное зарево, пытавшееся пробиться сквозь пелену тумана и мглы над пустошами. Но в тот шестой день появилось солнце — настоящее солнце, на краткое время во всём великолепии вспыхнувшее над северным миром. После этого с каждым днём оно становилось ближе и теплее; облака арктического пара и морозная дымка оставались всё дальше позади. Лишь окончательно выйдя из ледяных туманов, Кит повернул к западу. Он не спешил: выбравшись из тюрьмы, хотел

дать себе время ощутить первое опьяняющее волнение свободы. А главное, знал: нужно оценить и испытать себя перед громадной борьбой, ожидающей впереди.

Теперь, когда солнце и голубое небо прояснили его мозг, он видел сотни западней на пути, сотни маленьких оплошностей, которые можно допустить, сотни ловушек, подстерегающих любую случайную ошибку. Он сознательно шёл к палачу. Там, на юге, каждый день, проходя по улице среди людей, он будет сталкиваться с ним плечом к плечу. Уже никогда не почувствует себя вполне свободным от присутствия смерти. Днём и ночью придётся следить за собой и оберегать себя: язык, шаги, мысли, — не зная, в какой час глаза закона пронзят тонкую оболочку его маскировки и отнимут жизнь в уплату. Иногда эти мысли приводили его в ужас, и он начинал искать иные пути спасения. Но тогда — неизменно — слышал спокойный, непреклонный голос Коннистона, кровь горячо вспыхивала в жилах, и он снова поворачивался к дому.

Он был Дервентом Коннистоном. И ни на час не мог избавиться от великого, загадочного вопроса этого приключения, где ставкой были жизнь и смерть: кто такой Дервент Коннистон? По крупицам собирал всё немногое, что знал, и всякий раз приходил к тому же бесплодному итогу. Англичанин, умерший для своей семьи, если семья у него была; изгой или добровольный изгнанник — и самый благородный, самый храбрый человек из всех, кого Кит знал. Именно во-

прос «почему?» будил в нём чувство, которого он ещё никогда не испытывал. Англичанин сурово и непреклонно унёс свою тайну в могилу. Ему, Джону Киту, ставшему Дервентом Коннистоном, он оставил в наследство глубокую загадку и, если Кит пожелает, задачу: узнать, кто он был, откуда пришёл — и почему. Кит часто смотрел на фотографию девочки в часах и всякий раз видел в её глазах что-то, напоминавшее Коннистона в последний час жизни. Несомненно, девочка давно уже стала женщиной.

Дни складывались в недели. Под ногами Кита сквозь остатки снежной каши проступала влажная, сладко пахнущая земля. В начале мая, в трёхстах милях к югу от пустошей, он оказался в краю Оленьего озера. Неделью отдыхал в хижине зверолова на Бёрнтвуде, потом отправился в Камберленд-Хаус. Через десять дней добрался до поста, а вечером второго дня после прибытия, в солнечном сиянии, развёл костёр на берегу жёлтого Саскачевана.

В ту ночь могучая река, любимая с детства, снова пела ему о чудесах, которые время и горе затуманили в сердце. Над рекой взошла луна, с юга потянул тёплый ветер. Куря трубку, Кит долго сидел и слушал мягкий говор воды, катившейся у его ног. Для него она всегда была больше, чем рекой. Он рос с ней, она стала частью его самого; вскормила первые мечты и стремления; на ней он искал первых приключений. Она была его приятелем, другом и товарищем. И ему почудилось, что сегодня в её журчании звучат радость, приветствие, вос-

торг от его возвращения. Он смотрел на серебряные отмели, мерцавшие в лунном свете, и воспоминания нахлынули на него. Тридцать лет были не таким уж большим сроком: он всё ещё помнил прекрасную мать, рассказывавшую ему истории, когда садилось солнце и приближался час сна. Особенно ярко воскресли чудесные рассказы о Кистачивуне — реке: как она рождается далеко-далеко, в таинственных западных горах, куда не ступает нога человека и не заглядывают его глаза; как сбегает с гор к холмам, а через холмы — на равнины, с каждой милей становясь шире, глубже, могучее, пока наконец не пронесится мимо их дверей, неся золотые песчинки, которые делают людей богатыми. Отец показывал ему глубокие тропы, протоптанные бизонами, рассказывал об индейцах и о земле до прихода белых. Так благодаря отцу и матери река стала для него книгой сказок, страной чудес, неиссякаемым источником драгоценных историй детства. И в эту ночь только река у него и осталась. Единственный друг, которого он мог вернуть; единственный товарищ, которому мог раскрыть объятия, не опасаясь предательства. Вместе с горем по тому, что прежде жило, а теперь умерло, его охватило странное счастье: сам дух великой реки утешал его.

Он протянул руки и крикнул:

— Моя старая река! Это я, Джонни Кит! Я вернулся!

И река, шепча, словно ответила:

— Это Джонни Кит! Он вернулся! Он вернулся!

Глава

IV

Целую неделю Джон Кит шёл вверх вдоль Саскачевана. От поста Компании Гудзонова залива в Камберленд-Хаусе до Принс-Альберта по прямой было сто сорок миль, но Кит не шёл кратчайшей дорогой домой. Только изредка пользовался тропами на волоках. Держась реки, он удлинил путь миль на шестьдесят. Теперь, когда час, к которому готовил его Коннистон, был так близок, Кит нуждался в этом могучем безмолвном друге, сыгравшем такую большую роль в его жизни. Река придавала ему мужества и уверенности; рядом с ней мысли становились яснее. По ночам он располагался на её золотисто-жёлтых отмелях и спал под открытыми звёздами. Он жадно впитывал знакомые давние звуки, по которым в изгнании тосковал до безумия: тихие крики птиц, охотившихся и находивших себе пару при лунном свете, дружеское попискивание низко летевших куликов, уханье сов, плеск и сонные голоса водоплавающих птиц, уже тянувшихся с юга. С юга, где равнина местами оттесняла лес почти к самому берегу, порой доносился похожий на собачий лай койотов — маленьких жёлтых приятелей, за которыми он столько раз с увлечением гонялся верхом. А со стороны глуши, из глубины леса, слышался зловещий волчий вой. Он в буквальном смысле шёл по узкой тропе между двумя мирами. Этой тропой была река. По одну сторону, не слишком далеко, лежали волнистые прерии, зеленели хлебные поля, стояли посёлки, города, человеческие дома; по другую дикая земля доходила

до самой воды и её двери всё ещё были ему открыты. На рассвете седьмого дня он услышал новый звук — свисток поезда в Принс-Альберте.

Свисток совсем не изменился, и каждая натянутая струна в его теле отозвалась на него острым волнением. Это был первый голос, приветствовавший его возвращение, и звук его хлынул потоком вчерашних дней. Теперь Кит точно знал, где находится, и помнил, что увидит за следующим поворотом. Через несколько минут донеслось хрипловатое пыхтение старой золотой драги у излучины Маккоффина. Конечно же, это «Бетти М.», а у ворота старый Энди Дагган с чёрной трубкой во рту, всё ещё черпающий зыбучий песок, как черпал его больше двадцати лет. Кит ясно видел Энди на привычном месте, в ореоле табачного дыма: рыжебородого, косматого великана, которого городок ласково прозвал Речным Пиратом. Всю жизнь Энди добывал золото в горах или в реке и мёртвой хваткой держался за отмели выше и ниже излучины Маккоффина. Кит улыбнулся, вспомнив страсть старика к бекону. Вокруг «Бетти М.» всегда витал запах бекона, а когда Дагган приходил в город, находились люди, клявшиеся, что даже борода его пахнет беконом.

Теперь Кит оставил береговую тропу и вышел на старую лесовозную дорогу. Как ни готовился он встретить то, что Коннистон называл «психологическим моментом», им овладело неприятное волнение. Наконец он оказался лицом к лицу с великой игрой. Ещё несколько часов — и он выло-

жит свою единственную карту. Если выиграет, впереди снова жизнь; если проиграет — смерть. Старый вопрос, который он старался подавить, вновь поднялся в душе. Стоит ли рисковать? Не в час ли безумия они с Коннистоном дали друг другу слово вступить в это невероятное приключение? Лес ещё рядом. Можно повернуть назад. Игра зашла не так далеко, чтобы нельзя было отступить, — и на мгновение сильный порыв захватил Кита. Но тут он вдруг вышел на край просеки у излучины Маккоффина и увидел драгу совсем рядом с берегом, а с берега широкими шагами поднимался сам Энди Дагган! Ещё мгновение — и Кит уже вышел ему навстречу, приветственно подняв руку.

Пока Дагган приближался, сердце колотилось как-то непривычно. Можно ли представить, чтобы речник не узнал его? Кит забыл о бороде, забыл, как сильно изменили его четыре года. Помнил только, что Дагган был его другом, что они сотни раз сидели вместе в тихом сиянии долгих вечеров и рассказывали истории о великой реке, которую оба любили. И всегда рассказы Даггана были о таинственном рае, скрытом в западных горах, — о конце реки, о рае золотого соблазна, где среди исполинских вершин рождается Саскачеван и где когда-то давно Дагган искал сокровище, несомненно спрятанное где-то там. Четыре года не изменили Даггана. Разве что борода стала ещё рыжее и гуще, а волосы ещё косматее, чем в последнюю их встречу. Тут вслед за ним с «Бетти М.» потянуло вечным запахом бекона. Кит жадно

втягивал его полной грудью. Душа кричала, требуя этой еды. Когда-то бекон Даггана успел ему надоесть, а теперь казалось, что он мог бы есть его вечно. Пока Дагган подходил, Кит с неистовой силой захотел протянуть руку и сказать: «Я Джон Кит. Неужели ты меня не узнаёшь, Дагган?» Но подавил желание и произнёс:

— Чудесное утро!

Дагган неуверенно кивнул. Очевидно, его озадачило, что он не может припомнить встречного.

— На реке всегда чудесно — хоть дождь, хоть солнце. А кто скажет иначе, тот враль перед Господом Богом!

Всё тот же старый Дагган, готовый в любую секунду подраться за свою реку! Киту хотелось его обнять. Он поправил ношу и сказал:

— Неделью ночевал рядом с ней — ради компании, — пока шёл из Камберленд-Хауса. Хорошо всё-таки вернуться! — Он снял шляпу и прямо встретил взгляд речника. — Вы не знаете, Макдауэлл сейчас в казармах?

— Там, — ответил Дагган.

Только и всего. Он смотрел на Кита с какой-то необычной прямоотой. Кит задержал дыхание. Многое отдал бы он за возможность увидеть, что скрывается за этой бородой. Да и в голосе речника прозвучала жёсткая нотка. Это озадачивало. При имени Макдауэлла в его глазах вспыхнул угрюмый огонь.

— Инспектор там. Крепко сидит, — добавил он и, к изум-

лению Кита, прошёл мимо, больше не сказав ни слова, и скрылся в кустах.

Вот это уже никак не походило на добродушного Даггана четырёхлетней давности. Кит надел шляпу и пошёл дальше. На другом краю просеки он обернулся. Дагган стоял на открытой дороге, глубоко засунув руки в карманы, и глядел вслед. Кит помахал ему, но ответа не последовало. Дагган стоял, как сфинкс; большая рыжая борода пламенела на раннем солнце. Он смотрел, пока Кит не скрылся.

Первое испытание новой личности разочаровало Кита. И не только разочаровало — наполнило тревогой. Да, Дагган не узнал в нём Джона Кита, но ведь и Дервента Коннистона он тоже не узнал! А Дагган не из тех, кто забывает человека за три-четыре года — да хоть за половину жизни. Перед Китом возникла новая, неожиданная трудность. Что, если Макдауэлл, подобно Даггану, увидит в нём лишь незнакомца? Последние слова англичанина снова застучали в голове, словно маленькие кулаки, вколачивающие истину: «Ты выиграешь или проиграешь в тот миг, когда Макдауэлл впервые на тебя взглянет». Теперь их смысл стал смертельно серьёзным. Кит впервые до конца понял, что имел в виду Коннистон. Опасность заключалась не только в том, что в нём могут узнать Джона Кита, но и в том, что в нём могут не узнать Дервента Коннистона.

Если мысль повернуть назад и приходила ему, если страх и предчувствие беды побуждали искать свободы в другом на-

правлении, их предостерегающий шёпот теперь терялся перед более сильным волнением. В этой игре случая, где Коннистон уже потерял жизнь, а Кит ставил на кон свою, обнаружился третий игрок, и это пробудило в Ките новое, совершенно неожиданное желание — увидеть конец приключения. Мысленная картина собственной неизбежной участи в случае проигрыша расплылась в туманное присутствие, которое уже не давило и не пугало. Телесный инстинкт борьбы против превосходящих сил, воодушевление перед непредсказуемой битвой зажгли кровь бодрым нетерпением. Ему хотелось скорее оказаться лицом к лицу с Макдауэллом. Лишь тогда начнётся настоящая схватка. Впервые он понял: англичанин ошибался. Он не выиграет и не проиграет в первое мгновение под испытующим взглядом инспектора. Пройти в это мгновение можно: натренированный глаз Макдауэлла способен сразу раскрыть обман. Но победа, если игра не будет проиграна первым же выстрелом, потребует увлекательной борьбы. Сегодня может наступить его Армагеддон, но час окончательного торжества этому дню не принадлежит.

Теперь Кит ощущал себя воином, которого держат на привязи, когда уже слышны неприятельские пушки и пахнет порохом. Старый мир был его врагом: цивилизация — это люди, люди — это закон, а закону нужна его жизнь. Никогда он так глубоко не ненавидел старое правило «око за око, зуб за зуб», как в этот час, когда вдаль по долине увидел сероватую

дымку над крышами родного города. В глубине души он никогда не признавал себя преступником. Верил: убив Киркстона, уничтожил змею, заслуживавшую смерти. Сотни раз говорил себе, что с точки зрения очищения человеческого общества дело было бы куда полнее, отправь он сына вслед за отцом. Он избавил людей от человека, недостойного жить, — и за это люди хотят его убить. Следовательно, мужчины и женщины города, который он когда-то любил и всё ещё любит, стали его врагами; чтобы снова найти среди них друзей, он вынужден прибегнуть к искусному обману.

С этой стороны города он помнил тропинку без дощатого настила: она выходила на неприметную улочку, в конце которой находилась цирюльня. Сначала нужно попасть именно туда. Через час, выйдя на улицу, Кит порадовался, что ещё рано: людей встретится немного. Улица заметно изменилась. Длинные пустыри застроили домами, и он подумал: неужели бум, которого ждали четыре года назад, всё-таки наступил? Мрачная улыбка тронула его губы: он увидел насмешку судьбы. Они с отцом поставили своё будущее на приобретение участков «за городом». Если бум действительно пришёл, теперь эти участки уже «в городе» и стоят больших денег. Ещё не дойдя до цирюльни, он понял: мечта жителей Принс-Альберта сбылась. Благосостояние росло гигантскими скачками. Население утроилось. Он богат! И к тому же, пришло ему в голову, мёртв — или станет мёртвым, как только официально доложит Макдауэллу. Вот весёлая свара начнётся между

наследниками покойного Джона Кита!

Старая цирюльня по-прежнему держалась за свой угол, теперь ценный уже как торговое место. Но цирюльник был новый. Он сидел один. Кит дал точные, подробные указания и показал фотографию Коннистона в удостоверении. Борода и усы должны выглядеть вот так: очень щегольски, определённо по-английски, с военной аккуратностью; волосы подстричь не слишком коротко и гладко зачесать назад. Когда дело было закончено, Кит поздравил и цирюльника, и себя. Задубевший от ветра и дыма до индейской смуглости, прямой, как стрела, с мускулами, налитыми звериной силой дикой земли, он улыбнулся отражению, сравнивая прежнего Джона Кита с новым Дервентом Коннистоном. Перед выходом подтянул ремень на одну дырочку. И направился прямо к казармам Королевской Северо-Западной конной полиции Его Величества.

Путь вёл по главной улице, мимо рядов лавок, стоявших здесь ещё четыре года назад, мимо гостиницы «Саскачеван» и маленького здания торговой палаты, которое, как старая цирюльня, по-прежнему цеплялось за свой прежний уступ на краю высокого берега, круто обрывавшегося к реке. И там — да, несомненно! — стоял Персиваль Клэри, маленький англичанин-секретарь. Но как изменился Перси!

Раздался в плечах, распрямился. Отрастил безукоризненно навощённые усы. Брюки безупречно отутюжены, ботинки сияют; перед дверью своего теперь уже важного учреждения

он стоял, слегка опираясь на трость. Кит усмехнулся: процветание укрепило не только город, но и Персиваля. На ходу он искал знакомые лица. Кое-где находил, но большей частью встречались чужие: живые, деятельные мужчины, спешившие так, словно у каждого было неотложное дело. На всех видных местах бросались в глаза объявления о продаже недвижимости. По главной улице вдоль реки уже сновали автомобили: двадцать там, где ещё недавно ездил один.

Встречая девушку или женщину, Кит с трудом заставлял себя смотреть прямо перед собой. До сих пор он никогда вполне не верил, что женщины — ангелы. По дороге к казармам ему попало, пожалуй, с дюжину, и непреодолимо хотелось остановиться и вдоволь насмотреться на каждую. Любителем женщин он никогда не был. Восхищался ими, считал их лучшей половиной человечества, боготворил мать, но страсть к противоположному полу ещё не возвышала и не разбивала его сердца. А теперь он до глубины души боготворил эту дюжину! Некоторые были некрасивы, другие ничем не примечательны, две-три хорошенькие, но для Кита внешние достоинства не значили ничего. Это были белые женщины, и все до единой — великолепные! Самая невзрачная казалась прекрасной. От чистой радости хотелось подбросить шляпу и закричать. Четыре года — и вот он снова в стране ангелов! На некоторое время он забыл о Макдауэлле.

К казармам он подошёл с головой кругом. Всё-таки жизнь хороша. За неё стоит бороться, и он будет бороться. Он на-

правился прямо в кабинет Макдауэлла. Почти сразу после его стука появился секретарь инспектора.

— Инспектор занят, сэр, — ответил он на вопрос Кита.

— Я доложу ему...

— Что я пришёл по очень важному делу, — подсказал Кит. — Он примет меня, когда вы скажете, что я принёс сведения о некоем Джоне Ките.

Секретарь исчез за внутренней дверью. Казалось, не прошло и десяти секунд, как он вернулся.

— Инспектор примет вас, сэр.

Кит глубоко вдохнул, чтобы унять бешеное сердцебиение. При всём мужестве он чувствовал хватку холодной руки, полной дурных предчувствий, — руки, которая будто пыталась оттащить его назад. И опять услышал шёпот умирающего Коннистона: «Помни, дружище: ты выиграешь или проиграешь в тот миг, когда Макдауэлл впервые на тебя взглянет!»

Прав ли был Коннистон?

Выиграет он или проиграет, играть будет так, как играл бы англичанин. Расправив плечи, Кит вошёл к Макдауэллу — самому искусному охотнику за людьми на всём Северо-Западе.

Глава

V

Войдя в кабинет полицейского инспектора, Кит первым увидел не Макдауэлла, а девушку. Она сидела прямо напра-

тив двери, и свет из окна резко выделял её лицо и волосы. Впечатление было необыкновенным. Она была поразительно красива. Солнце, наполнявшее комнату мягким сиянием, зажгло в её волосах мерцающее золото. Глаза, заметил Кит, были удивительного чистого серого цвета; она смотрела на входившего пристально, а поза и напряжённое лицо выдавали внезапное, сильное волнение. Всё это Кит схватил одним взглядом, потом повернулся к Макдауэлу.

Инспектор сидел за столом, заваленным картами и бумагами, и Кит сразу почувствовал пронизывающее испытание его взгляда. На мгновение его охватила тревожная дрожь преступника. Затем он прямо посмотрел Макдауэлу в глаза. Это были, как предупреждал Коннистон, глаза, способные видеть сквозь котельное железо. Неопределимого цвета, глубоко посаженные под косматыми седыми бровями, они с первого взгляда пронзили его насквозь. Кит отметил тщательно навощённые седые усы, коротко остриженные седые волосы, жёстко застывшие мышцы лица — и отдал честь.

Он почувствовал, как медленно наползает холод. На этом железном лице не было приветствия; целую четверть минуты — ни признака узнавания. Но потом, словно солнечный свет в волосах девушки, по лицу Макдауэлла прошло новое чувство, и Кит впервые увидел того человека, которого Дервент Коннистон знал не только как начальника, но и как друга. Макдауэлл поднялся и, перегнувшись через стол, произнёс голосом, в котором смешались изумление и радость:

— Стоило помянуть чёрта — и вот вы, сэр! Коннистон, как вы?

На несколько мгновений Кит ослеп. Он выиграл! Кровь так неистово ударяла в сердце, что зрение и чувства смешались. Он ощущал пожатие руки Макдауэлла, слышал его голос; перед глазами плыло видение — торжествующее лицо Дервента Коннистона. Кит стоял прямо, с поднятой головой, встречал Макдауэлла плечом к плечу, даже улыбался, но в стремительном приливе восторга не сознавал этого. Макдауэлл всё ещё сжимал его ладонь, а другой рукой держал за предплечье и уже поворачивал его; Кит увидел, что девушка встала и смотрит так, словно он только что воскрес из мёртвых.

Звонко и отрывисто прозвучал военный голос Макдауэлла:

— Коннистон, познакомьтесь: мисс Мириам Киркстон, дочь судьи Киркстона!

Он поклонился и на мгновение взял в свою руку руку девушки, отца которой убил. Она была безжизненной и холодной. Губы девушки шевельнулись, едва произнеся его имя. Его собственные губы остались немые. Макдауэлл говорил что-то о славе службы и верховенстве закона. Потом, ударив барабанной дробью поверх представления, его голос потребовал:

— Коннистон, вы взяли своего человека?

Вопрос вернул Кита к действительности. Он слегка скло-

нил голову и сказал:

— Позвольте доложить: Джон Кит мёртв, сэр.

Он увидел, как Мириам Киркстон вздрогнула, словно слова пронзили её. Видимо, ей стоило большого труда скрыть волнение. Она быстро отвернулась от него и обратилась к Макдауэллу:

— Вы были очень добры, инспектор Макдауэлл. Надеюсь, мне скоро представится удовольствие поговорить с мистером Коннистоном... о Джоне Ките.

Она вышла, слегка кивнув Киту.

Когда дверь за ней закрылась, в глазах инспектора появилось недоумение.

— Уже полгода она такая, — пояснил он. — Чрезвычайно интересуется этим Китом и его судьбой. Не думаю, Коннистон, чтобы я ждал вашего возвращения с большим нетерпением, чем она. И вот что странно: до этих шести месяцев дело её, по-видимому, вовсе не занимало. Порой боюсь, что мысли об отцовской смерти немного расстроили её рассудок. Очень хорошенькая девушка, Коннистон. И в самом деле очень хорошенькая! А брат у неё — скунс. Тсс! Его-то вы не забыли?

Он придвинул стул к своему и жестом предложил Киту сесть.

— Вы изменились, Коннистон!

Слова вылетели, как выстрел. Они были так неожиданны, что отозвались в каждом нерве Кита. Он мгновенно понял,

что имеет в виду Макдауэлл. Он не похож на англичанина: не хватает его манер, его невозмутимой, чуть высокомерной обходительности, неповторимого хладнокровия и духа честной игры. Даже встретив тревожащий прямой взгляд инспектора, Кит видел на своём месте Коннистона: тот подкручивал ус большим и указательным пальцами и улыбался так, словно ушёл на север вчера, а вернулся сегодня. Вот чего не доставало Макдауэллу: самой души Коннистона. Коннистона — непревзойдённого в осанке и любезной снисходительности, человека, который мог глядеть прямо в глаза инспектору или самому верховному комиссару и, безмятежно пренебрегая служебным уставом, говорить: «Чудесное утро, старина!» Кит тоже не был лишён чувства юмора. Как, должно быть, бушует призрак англичанина, если сейчас находится в этой комнате! Он усмехнулся и пожал плечами.

— Вы когда-нибудь бывали там, в долгую ночь, один? — спросил он. — Переживали шесть месяцев живой пытки, когда звёзды глумятся над вами, песцы непрерывно лают, а вы боретесь, чтобы не сойти с ума? Ради Джона Кита мне пришлось пройти через это дважды, и, пожалуй, вы правы. Я изменился. Думаю, прежним уже не стану. Что-то... ушло. Не могу сказать что, но чувствую. Наверное, выбралась только половина меня. А Джона Кита это убило. Скверная штука, правда?

Он почувствовал, что попал удачно. Макдауэлл выдвинул ящик из-под стола и сунул ему под нос коробку толстых си-

гар.

— Закуривай, Дерри, закуривай и рассказывай, что случилось. Господи помилуй, не наполовину же ты мёртв! Неделя в старом городе тебя поправит.

Он чиркнул спичкой и поднёс её к кончику сигары Кита.

Следующий час Кит рассказывал о погоне. Это была его «Илиада». Он ощущал присутствие Коннистона, пока слова слетали с губ. Забывал о суровом человеке, который смотрел и слушал. Видел только долгие месяцы и годы эпической драмы: один против одного, погоня и бегство, голод и холод, долгие ночи, полные опустошающего безумия и отчаяния. Он превозмог себя, и изнутри него заговорил Коннистон. Это англичанин рассказывал, как жестоко был наказан Джон Кит. Дойдя до последних дней в одинокой хижине на краю пустошей, Кит закончил с перехваченным горлом:

— Так умер Джон Кит — джентльменом и настоящим человеком!

Он думал об англичанине: о спокойной, бесстрашной улыбке в его глазах перед смертью, о последних словах, о последнем дружеском пожатии руки. И Макдауэлл увидел всё так, будто сам там находился. Он провёл ладонью по лицу, словно снимая пелену. Несколько мгновений после окончания рассказа стоял спиной к тому, кого считал Коннистоном, глядя на зелёную долину Саскачевана и быстро складывая в уме два и два, четыре и четыре. Когда он снова повернулся к Киту, перед ним был железный человек — сам закон,

беспощадный и могучий, каким-то чудом принявший человеческую плоть.

— После двух с половиной лет такого даже убийца мог показаться вам святым, Коннистон. Вы великолепно выполнили работу. Весь рассказ отправится в управление, и, если он не принесёт вам офицерского чина, я подам в отставку. Но остаётся сожалеть, что Джон Кит не дожил до виселицы.

— Он заплатил свою цену, — глухо сказал Кит.

— Нет, не заплатил. Не до конца. Он всего лишь умер. Расплатиться он мог только на конце верёвки. Его преступление было чудовищно жестоким — последним воплощением дьявольской жажды мести. Мы вычеркнем его имя. Но своего сожаления я вычеркнуть не могу. Год жизни отдал бы, чтобы он сейчас был здесь, с вами, в этой комнате. Это стоило бы того. Боже, что было бы за торжество для службы — спустя четыре года вернуть Джона Кита правосудию!

Говоря, он потирал руки и улыбался Киту. Глаза подёрнулись туманным блеском. Закон! Он стоял здесь, без сердца и души, жадно желая жизни, которая от него ускользнула. Кита захлестнуло отвращение.

В дверь постучали.

Макдауэлл разрешил войти, дверь медленно открылась. Молодой секретарь Круз просунул голову.

— Шань Тун ждёт, сэр, — сказал он.

Невидимая рука внезапно потянулась и стиснула горло Кита. Он отвернулся, чтобы скрыть то, что могло выдать ли-

цо. Шань Тун! Теперь он знал, что тянуло его назад, знал, почему встревоженное лицо Коннистона сопровождало его через пустоши. С тошнотворным предчувствием он осознал, о чём Коннистон вспомнил, что пытался сказать, когда стало уже слишком поздно. Они забыли о китайце Шань Туне!

Глава

VI

Шань Тун ждал в коридоре за секретарской комнатой. Если Макдауэлл был железным, стальным воплощением закона, то Шань Тун воплощал в плоти и крови дух таинственности и неизменности своего народа. Его лицо напоминало изваяние, только созданное не из дерева или камня, а из живой ткани, не знающей волнений: бесстрастное, терпимое, терпеливое. Что происходило в мозгу за желтоватыми глазами, знал один Шань Тун. Это была его тайна. Макдауэлл уже перестал разбирать его и пытаться понять. Закон, потерпев неудачу в своём любопытстве, привык принимать его как странный, удивительный механизм — нечто большее, чем человек, наделённое недоброй силой. Этой силой была поразительная способность уроженца Востока запоминать лица. Стоило Шань Туну увидеть лицо, и оно фотографически запечатлевалось в памяти на годы. Ни время, ни перемены не заставляли его забыть — и закон пользовался им.

В донесении в главное управление Макдауэлл охарактеризовал его коротко: «Либо изгнанный китайский премьер-министр, либо дьявол в жёлтой коже, — писал он комиссару.

— Точный возраст неизвестен, прошлое — тайна. Объявился в Принс-Альберте в 1908 году, при бриллиантах и в лакированных туфлях. Тогда был чужаком, чужаком остаётся и теперь. Владелец и хозяин кафе “Шань Тун”. Образованный, тихая речь, женоподобен, но единственный на земле человек, с которым мне не хотелось бы оказаться в тёмной комнате с обнажёнными ножами. Я им пользуюсь, не доверяю ему, наблюдаю за ним и при известных обстоятельствах боюсь бы его. Насколько удаётся установить, безвреден и законопослушен. Но такая проныра наверняка где-нибудь и когда-нибудь вела свою игру».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.